

ИЗ ЗОЛОТА В ЖЕЛЕЗО

Золото — серебро — железо

Доктор Пётр Сойфер

Петр Сойфер

Из золота в железо

<https://litres.ru/74274058>

SelfPub; 2026

Аннотация

Кильский порт. Семь дней дождя. В контейнере, случайно поднятом с борта сухогруза, находят труп — а рядом три глиняные чашки, расставленные в неправильном порядке. Старший инспектор Ральф Брандт, уставший верить в хаос там, где раньше видел только паттерны, впервые в жизни садится пить настоящий эфиопский кофе — чтобы понять, как древний обряд гостеприимства превратили в орудие убийства.

За смертью стоит бывший наёмник по прозвищу Полковник — человек, который слепил из обрывков африканских традиций собственную религию: три чаши, три ранга, и яд для тех, кто осмелится выпить не по чину. Вместе с этнографом Самуэлем Текле Брандту предстоит разгадать код церемонии раньше, чем в порту прольётся четвёртая чаша.

«Гость вначале подобен золоту, потом серебру, потом — железу», — гласит старая эфиопская пословица. Но что делать, если кто-то решил, что имеет право остаться золотом навсегда?

Содержание

ИЗ ЗОЛОТА В ЖЕЛЕЗО	4
Доктор Пётр Сойфер	4
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ВОДА ПОСЛЕ СТАРШИХ	5
Глава 1. Контейнер	5
Глава 2. Мост	8
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Петр Сойфер

Из золота в железо

ИЗ ЗОЛОТА В ЖЕЛЕЗО

Доктор Пётр Сойфер

Золото — серебро — железо

«Гость вначале подобен золоту, потом серебру, потом — железу» (эфиопская пословица; «Золотая земля. Сказки, легенды, пословицы, поговорки Эфиопии». — М.: Издательство восточной литературы, 1960)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ВОДА ПОСЛЕ СТАРШИХ

Глава 1. Контейнер

Дождь над Килем шёл седьмой день.

Не ливень — ливни случаются, проходят, оставляют после себя вымытые улицы и запах озона. Это был другой дождь: вязкий, морозящий, бесконечный, словно Балтика решила не штормить, а просто — тихо, методично — отдать обратно всю влагу, что впитала за тысячелетия. Он струился по желобам складов, собирался лужами на асфальте контейнерных площадок, превращал гравий в суглинок. И пахло — Господи, как пахло. Мазутом, гнилью старых тросов, рыбой, соленой водой, ржавчиной. Киль в августе пахнет промышленностью, сыростью и упрямой тоской, въевшейся в бетон.

Ральф Брандт стоял на краю пирса и курил. Сигарета тлела медленно, словно сама не верила, что в такой влаге способна гореть. Пятьдесят лет. Старший инспектор уголовного розыска полиции Киля. Плохой сон, хроническая усталость, пальцы в желтых пятнах. Жена ушла пять лет назад, сын звонит раз в месяц из Мюнхена. Брандт не жаловался. Он анализировал. Систематизировал. Видел паттерны там, где другие видели хаос — или, что хуже, мистику.

— Инспектор.

Обернулся. Молодой патрульный, мокрый до нитки, с красным носом и дрожащими руками. Брандт бросил сигарету в воду. Она шипнула.

— Ну?

— Подняли. С «Маренго». Контейнер из внутреннего ряда. Случайно зацепили при смене швартовки.

Брандт пошёл за ним, не спеша. Прошли мимо башенного крана, застывшего в тумане, как выключенный из времени механизм. Два судна на рейде, огни размытые, призрачные. Кильский фьорд в этот час — это серое брюхо, готовое проглотить всё, что в него упадёт.

Контейнер стоял на траверсе, вода с него стекала ручьями. Уже приоткрыт. Медицинская служба, криминалисты в прозрачных плащах, фотограф со вспышкой. Брандт кивнул дежурному, заглянул внутрь.

Запах ударил первым. Химический, сладковатый, с примесью... кофе? Нет. Что-то другое. Обожжённого зерна, смолы, неведомой травы.

Внутри — картина, которую он запомнит навсегда.

Сушёные головы. Обезьян. Три, четыре, пять — маленькие, с оскаленными мордами, сухие, сморщенные, как мумии. Рядом — бивни. Слоновые, судя по изгибу, но покрытые каким-то налётом, словно их вымочили в извести. И в углу, среди этого зоологического кошмара — тело.

Мужчина. Европейец. Сорок пять, может, пятьдесят. Лицо

вздутое, побелевшее, руки в странной позе: сжаты в кулаки, подняты к груди. Не утопленник. Утопленники не сжимают кулаки. Утопленники текут, расплываются, их волосы плавают медузами. Этот — будто высох. Или был высушен до того, как попал в воду.

— Время смерти? — спросил Брандт, не отрываясь от картины.

— Сложно сказать, — подошёл судмедэксперт, Хофман, старый знакомый. — В воде мог валяться неделю. Но смотри на кожу. Она не мацерирована, как обычно бывает у тех, кто долго пролежал в воде. И пятна. Как будто... обожжён чем-то изнутри.

— Яд?

— Похоже. Растительного происхождения, предполагаю. Нужны анализы. Токсин, которого я раньше не видел. И ещё кое-что.

Хофман указал на столик. В контейнере, среди контрабанды, стоял складной стол. На нём — натюрморт, словно сошедший с картины старого мастера, только безумный.

Три маленькие чашечки. Без ручек. Глиняные, грубой работы, тёмно-коричневые. В одной — остатки жидкости, похожей на густой кофе. Во второй — обугленные зёрна, похожие на попкорн, но твёрдые, хрустящие. В третьей — что-то белое, размокшее. Нут? Горох? Рядом — крошки смолистого вещества. И запах... ладан. Не церковный, тяжёлый, восточный.

— Что за чертовщина? — пробормотал патрульный.

Брандт молчал. Он смотрел на чаши. Они стояли в ряд. Но не просто в ряд. В определённом порядке. Слева направо: пустая, полная, полупустая. Или наоборот?

— Запечатайте всё, — сказал он. — Каждую чашку, каждое зерно. И мне лично доклад Хофмана через три часа.

Он вышел из контейнера. Дождь бил по лицу. Киль дышал мазутом и солью.

А в голове у инспектора уже чудился тревожный, неуместный в этом сером порту запах — запах жареного кофе.

Глава 2. Мост

Ночь. Кабинет Брандта на третьем этаже полицейского президиума Киля.

За окном — всё тот же дождь, стекающий по стеклам вязкими ручьями. Внутри — свет неоновой лампы, запах старого кофе из автомата и пыльные полки с папками дел, которые никто не запрашивал с 1998 года.

Брандт сидел за столом. Перед ним — три полиэтиленовых пакета. В каждом — чашка из контейнера. Он вынул их осторожно, в перчатках, и разместил на белом листе картона в том же порядке, в каком они стояли в контейнере: слева направо — пустая, полная, полупустая.

Финджан.

Слово он узнал только через два часа — столько ушло

на то, чтобы перерыть интернет на служебном компьютере, медленно, методично, как всегда. «Глиняная чашка без ручки», «три чашки восточный ритуал», «обжаренные зёрна с нутом». Поиск давал тысячи бессвязных ссылок. Потом — статья в журнале *Ethnologica* за 2019 год: «Кэбэлэ: семиотика эфиопской кофейной церемонии в современной диаспоре». Автор — доктор Самуэль Текле, Кильский университет, кафедра этнологии.

Брандт открыл PDF. Скроллил, пока не нашёл фото.

Три чашки. *Финджан*. Те же глиняные бокалы без ручек, те же тёмно-коричневые разводы. Подпись: «Аболь, Тона, Берека — три стадии экстракции и три социальных статуса участника церемонии».

Он посмотрел на свои пакеты. Порядок был другим. В статье — от крепкого к слабому. В контейнере — наоборот.

Брандт откинулся на спинку кресла. Потёр виски. За пять часов до этого он отправил остатки жидкости из чашек в токсикологию, зёрна — в ботаническую экспертизу, белые крошки — в химию. Но пока ждал результатов, работал головой.

Он снова открыл статью Текле.

«*Коло* — обжаренный нут, подаётся к кофе как символ изобилия. *Кэсэра* — обжаренный ячмень. *Этан* — эритрейский олибанум, очищает пространство церемонии от злых духов».

Брандт вспомнил запах в контейнере. Ладан. Но не цер-

ковный — тяжёлый, смолистый, восточный. И обугленные зёрна. Не обжаренные — сожжённые. Издевательство.

Он набрал номер университета. Автоответчик, ночная охрана, перевод на внутренний. Гудки.

— Кафедра этнологии, — женский голос, сонный.

— Инспектор Брандт, уголовный розыск. Мне нужен доктор Текле.

— Доктор Текле не принимает после девяти...

— Это убийство. С ритуальным почерком. Я могу приехать к нему домой или забрать в участок на допрос. Выберите.

Тишина. Потом — вздох.

— Я дам номер. Но он вам не понравится. Доктор Текле... он не любит полицию.

Брандт записал. Позвонил. Трубку взяли после пятого гудка.

— Доктор Текле. Говорит инспектор Брандт, полиция Килы. Извините за поздний звонок. У меня к вам деликатный вопрос. Найден труп. Рядом — три глиняные чашки без ручек, обугленные зёрна, нут, следы ладана. Чашки стоят в обратном порядке: пустая, полная, полупустая. Вы написали статью о подобном.

Тишина в трубке. Брандт услышал — или показалось? — тихий треск углей.

— Инспектор, — голос Текле был низким, акцент — мягкий, эфиопский, — вы сейчас сидите в кабинете. Перед ва-

ми — три *финджан*. Вы не трогали их голыми руками. Правильно?

— Правильно.

— Не пейте из них. Не нюхайте содержимое. Завтра в восемь вечера. Мой адрес — Вишневая, 14. Приходите один. И принесите фотографии.

Трубка повисла.

Брандт посмотрел на часы. 01:14. До встречи — почти двенадцать часов. Он не мог ждать. Но ждал.

Это было его дело — ждать, пока паттерн проявится.

Он снова разложил фото контейнера. Труп в углу. Руки сжаты в кулаки. Поза — не агония. Поза — молитва. Или принуждение.

Брандт открыл досье на бригадира. Ханс Дитер Вольф. 47 лет. Двадцать лет в порту. Жена, двое детей. Долгов нет. Судимостей нет. Не пил. Не играл. Чистый, как слеза.

Зачем ему африканский ритуал?

Ответ пришёл в 03:00, когда позвонил Хофман.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.